

Александр Амфитеатров

Курортный муж

Александр Валентинович Амфитеатров

Курортный муж

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2779745

Аннотация

«Поццуоли изнывало в истоме полуденного зноя.

Я лежал в тени нависшего над морем утеса, положив под голову, вместо подушки, толстую кипу русских газет, только что полученных с почты.

От Неаполитанского залива веяло ароматом моря, отдохавшего после вчерашней бури. Кто знает море, вспомнит этот запах, поймет меня и позавидует мне.

С берега веяло лимоном и розами...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Александр Валентинович Амфитеатров Курортный муж

Поццуоли изнывало в истоме полуденного зноя.

Я лежал в тени нависшего над морем утеса, положив под голову, вместо подушки, толстую кипу русских газет, только что полученных с почты.

От Неаполитанского залива веяло ароматом моря, отдохавшего после вчерашней бури. Кто знает море, вспомнит этот запах, поймет меня и позавидует мне.

С берега веяло лимоном и розами.

От газет под головою – уголовщиною, крахами банков, юбилеями и бракоразводными делами.

Баюкала тень утеса, баюкало море, баюкали ароматы.

Глаза слипались, в голове бродила коварная мысль:

– А не развернуть ли мне «Новое время» или «Новости» да, принакрывшись ими, вместо простыни, не задать ли хорошего храповицкого?

Между мною и миром легла туманная сетка. Я уже не видал ни Иския, ни Капри. Зато на горизонте очень ясно, хотя неожиданно, определились два Везувия, и я никак не мог разобрать ни откуда взялся Везувий № 2, ни который из двух Везувиев настоящий.

Еще минута, и... Нирвана! «Покойся, милый прах, до радостного утра!»

Вдруг мне предстал незнакомец.

По первому же взгляду я признал соотечественника: и какого! Соотечественника с головы до пят, до конца ногтей, до корня волос. От драгоценнейшей, но измятой и запачканной фетровой шляпы, приобретенной, по меньшей мере, у Брюно, до незавязанного шнурка на желтом башмаке, до истрепанной шелковой тряпки, вместо галстука, на шее. От прорехи под мышками пиджака, сшитого, несомненно, у Тедески, до три дня не бритой физиономии и потных желтых косяк, уныло прилипших к вискам.

Он кротко уставил на меня молочно-голубые очи, полные телячьего смирения и глубокой покорности судьбе, фыркнул раза три добродушнейшим носом, стилия картошки и цвета спелого баклажана, и сказал, отдуваясь:

– Если не ошибаюсь, компатриот?

И, на утвердительный ответ мой, продолжал:

– Не обессудьте, что я к вам присяду. Жарко. Солнце это... горки. Одно слово, Италия, черт бы ее побрал. Вы, конечно, удивлены, что я ругаю Италию? De gustibus, сударь мой, non disputandum est¹. Вы, может быть, художник или, Боже избави, поэт? Тогда вам и книги в руки по части «Авзонии прекрасной». Но я, батюшка, статский советник, кавалер и домовладелец, а кроме того, откровенный человек. И,

¹ О вкусах не спорят (*лат.*).

как таковой, говорю еще раз с полной искренностью: Черт бы ее побрал. Страна порядочная, comme il faut², не имеет права иметь так много синего моря, столько солнца, столько гор... в особенности гор. Коли нужна тебе живописная возвышенность для декорации – воздвигни парголовский Парнас, Воробьевы горы... что-нибудь этакое, чтобы мило, благородно и неустойчиво. А то – эвона каких дылд наворотили! А вы изволите видеть: я мужчина сырой комплекции. И, наконец, у меня катар желудка, одышка, приливы к голове. Шея короткая, а дело известное:

Те, у которых шея коротка,
И жить должны на свете покороче!

Кондрашка ходит за мною по пятам незримым спутником.
Куда я, туда и он-с!

Вы, конечно, недоумеваете: откуда и зачем столь благополучный россиянин, как ваш покорнейший слуга, очутился здесь, под демонической скалою, с которой только бы орать какому-нибудь Тартакову или Яковлеву:

Проклятый мир!
Презренный мир!
Несчастный, ненавистный мне мир!

Я разделяю ваше недоумение. Я тоже не знаю, зачем здесь.

² Как полагается (*фр.*).

Зовите меня вандалом, я это имя заслужил, но какую-нибудь московскую Плющиху, какие-нибудь питерские Пески я предпочитал, предпочитаю и по гроб жизни своей предпочитать намерен вашей голубой средиземной волне, вашему Везувию, похожему на солдата, который спяна никак не раскурит свою трубку, вашим прославленным лиловым островам в дымке синего тумана.

Зачем же я здесь?

Затем, милостивый государь, что я – муж.

Слово «муж» имеет во множественном числе две формы: «мужи» и «мужья».

Первые суть мужи славы. Вторые – мужья своих жен.

Участь первых – Капитолий. Вторых – башмак.

Первым ставят памятники. Вторым ставят рога.

Первых венчает история. Вторых – священники.

Первыми гордится человечество. Вторыми помыкают даже горничные их собственных жен.

К первым обращаются в звательном падеже: «О, доблестные мужи!»

Ко вторым: «Э-эх, господа мужья!»

О первых вещают миру Тациты, Несторы, Нибуры, Костомаровы. О вторых – Казановы, Арман-Сильвестры, Боккаччио, Поль де Кок и пр., и пр.

Я муж, милостивый государь! – и, конечно, если вы меня размножите, из меня выйдут не мужи, но мужья.

Sapienti sat!³

Мужья бывают разных пород. Я, с позволения вашего сказать, муж курортный.

Муж вечно прополаскиваемого тела и промываемых костей. Муж существа, пропитанного углекислотой всех европейских минеральных источников и солями всех европейских морей. Моя супруга – самая чистоплотная женщина под луною. Она вымыта не только за самое себя, но, я полагаю, и за нисходящих потомков наших, до седьмого колена включительно. И теперь купается здесь в Vagnoli уже в честь линии восходящей – за дедушку, прадедушку и т. д. Вплоть до корня нашего родословного дерева. Так сказать, за здравие мы уже откупались и теперь положемся за упокой. Нашими купаньями можно, на зло невежливой пословице, отмыть добела черного кобеля, человека черной сотни превратить в дворянина белой кости, негра – в альбиноса, темную личность в светлого деятеля.

Супруга влачит меня из Петербурга в Старую Руссу, из Руссы в Ялту, из Ялты в Франценсбад, из Франценсбада в Виареджио, из Виареджио на Платен-Зее, с Платен-Зее в Либаву, из Либавы в Меран, из Мерана в Биарриц, из Биаррица в Кисловодск, из Кисловодска в Остэнде, из Остэнде в Сорренто, из Сорренто к черту на куличики, а что касается моей скромной особы, то, может быть, и на Волково кладбище. Что же? Путешествие не хуже других. Когда вы узнаете мою

³ Для понимающего достаточно! (лат.).

горемычную жизнь, вы согласитесь, что у меня нет резонансов от него отказываться.

Прежде чем стать мужем женщины, я был человеком.

Теперь друзья нашего дома стараются доказать мне, будто я переходная ступень от гориллы к минотавру. Иногда, ощущая на лбу своем многочисленные зачатки рогов, я сам почти готов сомневаться: не сродни ли я любезному сыну беспутной Пазифаи? Но нет! нет!! нет!!! Homo sum et nihil humani a me alienum esse puto!⁴

⁴ Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо! (*лат.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.